

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-13-32

А.В. Бодров

ОБРАЗ М.Н. КАТКОВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

A.V. Bodrov

M.N. KATKOV'S IMAGE IN THE FRENCH PRESS IN THE LAST THIRD OF THE 19th CENTURY

Аннотация. Изучение восприятия М.Н. Каткова его французскими коллегами-современниками весьма значимо с учетом той большой роли, которую этот публицист сыграл в пропаганде русско-французского сближения в конце 1880-х гг. Каков был образ М.Н. Каткова среди его коллег во Франции и был ли кто-то из них готов признать его франкофилом? Именно на этот вопрос намеревается ответить автор, предпринимая попытку закрыть соответствующий пробел в отечественной и зарубежной историографии. Следует учитывать, что матрица восприятия М.Н. Каткова во Франции была заложена еще в годы Второй империи. Его призывы — в частности, к беспощадному подавлению Польского восстания 1863 г., равно как и к активной политике России на Балканах, — уже к 1870 г. обеспечили ему славу вождя «ультрамосковской партии» и «апостола панславизма». Критический комментарий Каткова к политическим событиям во Франции 1870-х гг., мрачные предсказания недолговечности Третьей республики, рассуждения о «ничтожности» ее власти и утрате ее позиций на

Бодров Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Bodrov Andrei Vladimirovitch, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University

bodrovandrew@yandex.ru, a.bodrov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8118-331X

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00090 “The Image of Russian Pan-Slavism in Western European Countries at the End of the 19th Century”).

международной арене также не могли не сказываться на образе Каткова у его французских коллег, стоявших на либеральных и республиканских позициях. Тем не менее для широкого круга французских изданий — от республиканских “*La Nouvelle Revue*” и “*Le Matin*” до бонапартистской “*Le Pays*” и социалистической “*L’Intransigeant*” — антигерманского звучания публицистики «позднего Каткова» оказалось достаточно, чтобы провозгласить его «другом Франции» в логике «враг моего врага — мой друг». Близкие к правительству “*Journal des Debats*”, “*Le Temps*”, “*Republique française*” относились к «франкофильству» Каткова с еще большим скепсисом, нервно реагируя также на поднимавшуюся волну буланжистского движения. Печатный орган республиканцев-радикалов “*La Justice*” и социалистическая пресса относились к Каткову резко негативно, рисуя его портрет только черными красками. Однако уже в 1890-е гг. образ Каткова как «провозвестника» русско-французского союза и «друга Франции» возобладал.

Ключевые слова: Французская Третья республика, французская пресса, восприятие в международных отношениях, российский панславизм, русско-французский союз.

Abstract. The study of how M.N. Katkov was perceived by his French contemporaries is particularly significant in view of the major role this publicist played in promoting Russo-French rapprochement in the late 1880s. What image did Katkov have among his colleagues in France, and were any of them willing to regard him as a Francophile? This is the question addressed in the article, which seeks to fill a corresponding gap in both Russian and international historiography. The article argues that the framework through which Katkov was perceived in France had already taken shape during the Second Empire. His calls for the ruthless suppression of the Polish uprising of 1863 and for a more active Russian policy in the Balkans had, by 1870, earned him a reputation as the leader of the “ultra-Muscovite party” and an “apostle of Pan-Slavism”. His critical commentary on political developments in France in the 1870s, his gloomy predictions regarding the fragility of the Third Republic, and his reflections on the “insignificance” of its authority and the decline of its international standing likewise shaped his image among French liberal and republican journalists. Nevertheless, for a broad range of French newspapers and journals — from the republican *La Nouvelle Revue* and *Le Matin* to the Bonapartist *Le Pays* and the socialist *L’Intransigeant* — the anti-German tone of the later Katkov’s journalism was sufficient to proclaim him a “friend of France”, in accordance with the logic that “the enemy of my enemy is my friend”. Newspapers close to government circles, such as *Journal des Débats*, *Le Temps*, and *République française*, treated Katkov’s alleged Francophilia with still greater scepticism, while also reacting anxiously to the rising tide of Boulangism. The radical republican newspaper *La Justice* and the socialist press viewed Katkov in sharply negative terms, portraying him in an entirely hostile light. Yet by the 1890s, the image of Katkov as a “forerunner” of the Russo-French alliance and a “friend of France” had prevailed.

Keywords: French Third Republic, French press, perception in international relations, Russian Pan-Slavism, Russo-French alliance.

Современная историография русско-французского союза 1893–1894 гг. продолжает обогащаться, выходя за рамки сугубо дипломатических, военных и финансовых аспектов. Отечественные и зарубежные исследователи обратили внимание на усилия различных групп влияния во Франции и России в деле пропаганды русско-французского сближения, воздав должное и их контактам¹. С российской стороны ключевая роль, по общему суждению, принадлежала редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову и его ближайшему окружению. Пределы реальных возможностей Каткова в воздействии на внешнюю политику России в этом вопросе очерчивают небольшие статьи И.В. Лукоянова и А.Э. Котова², но, как справедливо отмечает Ю.М. Галкина, «образ Каткова как франкофила весьма слабо изучен»³.

Так был ли М.Н. Катков франкофилом и, что не менее важно, воспринимали ли его в качестве такового во Франции? Вопрос не праздный, поскольку от восприятия Каткова в немалой степени зависела плодотворность его публицистической кампании, даже если своим главным читателем он и считал императора Александра III⁴. Для этого необходимо реконструировать образ видного российского публициста, сложившийся у его французских коллег в последней трети XIX в. — эпохи становления русско-французского союза, а также апогея политического влияния публициста.

Французская пресса того времени обеспечивает исследователя достаточной источниковой базой, позволяя собрать не только широкий спектр мнений о Каткове, но и проследить эволюцию его образа. Интерес к нему возрастал с каждым обострением «восточного

¹ См., например: *Hillis F.* The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 39–78; *Hogenhuis-Seliverstov A.* Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918 // *Deutschland – Frankreich – Russland / Htsig. von I. Miesch u. P. Guillen*. Berlin, 2000. S. 71–86; *Беспалова К.А., Ившин В.С.* Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870–1880-х годах // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 4. С. 381–401.

² *Лукоянов И.В.* М.Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // *Тетради по консерватизму*. 2018. № 3. С. 232–244; *Котов А.Э.* Русские консерваторы во второй половине 1880-х гг.: внешнеполитический аспект // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 15–20.

³ *Галкина Ю.М.* Франко-русский союз в зеркале историографии: к вопросу о механизмах сближения // *Historia provinciae — журнал региональной истории*. 2023. Т. 7. № 2. С. 611–649;

⁴ *Котов А.Э.* Русские консерваторы... С. 16.

вопроса», с восшествием на престол Александра III, и в особенности после начала летом 1886 г. «Московскими ведомостями» кампании в пользу сближения с Францией. Обусловлено это было широко распространенным представлением о сильном влиянии Каткова на общественное мнение, если не прямо на внешнюю политику Российской империи. Но главным информационным поводом стала смерть публициста 20 июля / 1 августа 1887 г.: не только по количеству откликов, но и по их качеству — попыткам составить цельный портрет скончавшегося коллеги.

В настоящей статье предпочтение было отдано самым влиятельным и читаемым представителям «большой» парижской прессы, отражавшим политический спектр Третьей республики. Прежде всего, это «мейнстримные» печатные органы французских умеренных республиканцев: журнал *“Revue des Deux Mondes”*, газеты *“Journal des Debats”*, *“Le Temps”*, *“Le Matin”* и *“Republique française”* Леона Гамбетты. Именно они чаще всего цитировались Катковым на страницах «Московских ведомостей» как отражение французского общественного мнения и (с конца 1870-х гг.) позиции французского правительства. «Правую» часть спектра вполне репрезентативно представляли журнал Жюльет Адан *“La Nouvelle Revue”* и бонапартистская газета *“Le Pays”*, единые в симпатиях к буланжистскому движению и в открытых призывах к союзу с Россией. Позицию республиканцев-радикалов хорошо отражала газета *“La Justice”* Жоржа Клемансо, отношение социалистов — журнал *“La Revue socialiste”* и газета *“L’Intransigeant”* Анри Рошфора.

Важным дополнительным источником стали передовые статьи «Московских ведомостей»: все они прошли редактуру Каткова, даже если он не всегда был их автором. Они отражают воззрения публициста и позволяют оценить, насколько точны были в их интерпретации его французские коллеги, ставившие между статьями «Московских ведомостей» и Катковым знак равенства. В целом передовицы подтверждают тезис А.Э. Котова о том, что для московского публициста отношение к Франции или Германии было не мировоззренческой константой, а чисто ситуативным, менявшимся в зависимости от политических обстоятельств⁵. Это непостоянство было подмечено еще первыми биографами Каткова из числа его современников — Р. И. Сементковским, С.Г. Щегловитовым, и даже нашло свое отражение в энциклопедическом словаре Брок-

⁵ Котов А.Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова // Вопросы национализма. 2014. № 1. С. 179.

гауза и Эфрона⁶. Впрочем, М.Н. Катков не скрывал, что в ремесле журналиста слепая приверженность «доктринам» только вредна⁷.

Уже в 1860-е гг. Катков как минимум три раза менял свою позицию относительно политического сближения с Францией: резко отрицательное отношение после Польского восстания 1863 г. сменилось призывами к сотрудничеству на фоне визита Александра II в Париж в июне 1867 г. и новыми сомнениями в возможности сближения двух стран после покушения А. Березовского на царя. В ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. М.Н. Катков не спешил восторгаться успехами германских войск и высмеивал многие тезисы своих германских коллег: от ответственности всей французской нации за «действия и систему Наполеона» до попыток выставить Пруссию «орудием высшей правды, призванным покарать французскую нацию за ее грехи»⁸. Он открыто призывал к дипломатическому вмешательству нейтральной Европы ради скорейшего окончания войны и недопущению чрезмерного ослабления Франции, но эти призывы были скорее окрашены опасениями гегемонии единой Германии в Европе, нежели сентиментальными чувствами по отношению к французам⁹.

Отношение Каткова к провозглашенной во Франции республике на протяжении 1870-х гг. оставалось негативным, в чем он лишь укреплялся благодаря корреспондентам «Московских ведомостей» в Париже И.Ф. Циону и Н.В. Щербаню¹⁰. Катков с самого начала считал «консервативную республику» А. Тьера «утопией» и порождением «самого уродливого и по имени и по форме правительства». В сентябре 1874 г. он допускал, что «расшатанная революцией» Франция может повторить «участь Польши»: «томительной и медленной агонии народа, потерявшего всё, что составляет силу и величие государства»¹¹. Лейтмотивом его передовиц стал тезис

⁶ Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888; Сементковский Р. И. Михаил Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность. СПб., 1892; Катков Михаил Никифорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVa. СПб., 1895. С. 733.

⁷ Перевалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М., 2020. С. 180.

⁸ Московские ведомости. 8.01.1871. № 6 // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. С. 15–16.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ См. подробнее: Котов А.Э. Публицисты катковского направления против левого радикализма (вторая половина 1880-х гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. II. № 2. С. 38–39.

¹¹ Московские ведомости. 25.09.1874. № 240 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 607–609.

о непрочности всего и вся во Франции¹². Показательна и первоначальная интерпретация Катковым франко-германской «военной тревоги» весны 1875 г. как тревоги «фальшивой», а поднявшейся газетной шумихи — как попытки Лондона разрушить союзнические отношения России, Германии и Австро-Венгрии¹³. Восточный кризис к осени 1876 г. окончательно ожесточил риторику Каткова, превратив французов в «так называемых друзей», лишь «кокетничавших» с Россией и «заискивавших» ее дружбы¹⁴. Публицист называл Францию «страной отжившей»: «Напрасно было бы опасаться ее в будущем, напрасно было бы и ожидать от нее поддержки. Ей предстоит безвыходный круг бессмысленных переворотов и пустого брожения»¹⁵. Иными словами, вплоть до конца 1870-х гг. «Московские ведомости» были вполне солидарны со многими ключевыми тезисами германских официозных изданий.

Невыдача Парижем царскому правительству народовольца Л.Н. Гартмана в 1880 г. стала для Каткова еще одним свидетельством «бессилия и ничтожества той власти, в руках которой находятся ныне судьбы Франции». «Эта переходная фаза, именуемая Французской республикой, не будет долговременна»,¹⁶ — вновь предрекал московский публицист. «Мы желаем видеть Францию здоровую, крепкую, сильную, и, сочувствуя ей, не можем радоваться ее теперешнему ничтожному правительству», — уверял он год спустя¹⁷. Катков декларировал безразличие к тому, в чьих руках окажется власть во Франции, лишь бы она была «крепкой», но его критика французской политической системы была созвучна с призывами к ревизии Конституции со стороны французских правых и националистов. Не менее примечательно, как мало добрых слов вплоть до середины 1880-х гг. находилось у «Московских ведомостей» о лидерах умеренных республиканцев, не говоря уже о более радикальных деятелях. Это тоже не могло не сказываться на отношении к Каткову французской республиканской прессы.

Стоит учитывать и то, что некоторые ключевые элементы образа Каткова сложились во Франции еще во второй половине 1860-х гг. в царствование Наполеона III. Имя редактору «Московских ведомостей» сделали призывы к российскому правительству решительно

¹² Московские ведомости. 28.01.1875. № 27 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 64–65.

¹³ Московские ведомости. 12.05.1875. № 119 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 238.

¹⁴ Московские ведомости. 12.10.1876. № 261 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 551.

¹⁵ Московские ведомости. 03.12.1876. № 312 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 639.

¹⁶ Московские ведомости. 19.03.1880. № 79 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Московские ведомости. 31.07.1881. № 211 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 359.

ответить на Польское восстание 1863 г. и, забегая вперед, многие французские публицисты оказались не готовы забыть эти призывы и тридцать лет спустя. Обстоятельный, но нелицеприятный портрет Каткова, набросанный историком Шарлем де Мазадом в статье для “*Revue des Deux Mondes*” в 1866 г., на которую тот даже счел необходимым публично ответить¹⁸, во многих отношениях стал матрицей последующего восприятия нашего героя его французскими коллегами. Призывы к ведению католической службы в Литве на русском языке в конце 1860-х лишь укрепили славу Каткова как представителя «ультра-московской партии»¹⁹. И вот “*Le Temps*” разъясняла своим читателям в 1870 г., что Катков «требуя России для русских», России как «главного начальника всей славянской расы», России со своими специфическими политическими институтами, которые отличались бы от других европейских государств²⁰.

Отторжение вызывал также резкий стиль публицистики консервативного редактора «Московских ведомостей». Этот мотив вышел на первый план в начале 1880-х гг., отразив опасения французов за судьбу реформ царствования Александра II. Часто отмечалось, что Катков «не церемонится с теми, кто имел несчастье ему не понравиться»²¹; осуждение вызывало и то, что «Катков видит повсюду предательство и изменников, которых следует покарать»²². Петербургский корреспондент “*Journal des Debates*” ближайшей аналогией видел печатные листки, публиковавшиеся Комитетом общественного спасения в годы Французской революции конца XVIII в.²³ Для печатного органа республиканцев-радикалов “*Justice*” М.Н. Катков был поэтому прежде всего тем, кто превратил свою газету в «инструмент обличения» и «толкал к самым кровавым репрессиям»²⁴. Французская республиканская пресса опасалась и разжигания ксенофобии в России под влиянием «Московских ведомостей». Анатолий Леруа-Больё в числе прочих подмечал, что Катков во всякой проблеме видел «источник за рубежом». В этом влиятельный французский русист усматривал глубокий парадокс личности публициста: этот «неуступчивый защитник славизма был западным человеком, подлинным европейцем», но при этом вел «борьбу не на жизнь, а на

¹⁸ Перевалова Е.В. Указ. соч. С. 203–204.

¹⁹ *Journal des Debates*. 23.09.1868.

²⁰ Scherer Ed. Les provinces allemandes de la Russie // *Le Temps*. 23.08.1870.

²¹ *Journal des Debates*. 08.07.1881.

²² *Journal des Debates*. 15.04.1881.

²³ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

²⁴ V...itch. Aksakof et le parti panslaviste, 3/15 février 1886 // *La Justice*. 22.02.1886.

смерть с европейскими идеями и влияниями», стремясь, как полагал француз, «в политическом и экономическом плане к изоляции России»²⁵.

При этом даже оппоненты Каткова охотно признавали, что он был наделен всеми необходимыми для своего ремесла дарованиями: чуткостью к запросам публики, огромной работоспособностью и «ловкостью», позволявшей искусно лавировать между Сциллой и Харибдой административных и цензурных ограничений²⁶. На протяжении тридцати лет он являл стране «образец бешеного трудолюбия и гражданской смелости, которую ничто не могло утратить», и для корреспондента “*Journal des Debates*” этого было «более чем достаточно, чтобы славить память о нем»²⁷. “*Le Temps*”, со своей стороны, указывала, что редактор «Московских ведомостей» всегда придерживался в отношении властей «независимых манер» и «тона превосходства»²⁸. При всей своей апологетике самодержавия издания М.Н. Каткова и И.С. Аксакова заслужили уважение многих своих коллег-республиканцев во Франции тем, что не были сервильными официозами. Как подчеркивала “*Le Matin*”, Катков сделал из «Московских ведомостей» «ведущую газету в России» и превратился в «своего рода политического оракула», «патриарха литературы и политики», принимавшего именитых посетителей в своем редакторском кабинете «как боярин»²⁹.

Именно независимость и влияние М.Н. Каткова побуждали французскую прессу с редким единодушием говорить о нем как об удивительном феномене. Для горячей союзницы Каткова во Франции писательницы и владелицы журнала “*La Nouvelle Revue*” Ж. Адан московский публицист был «большим политическим провидцем», «вдохновителем императорской политики», пользующимся «преобладающим влиянием на императора (Александра III. — А.Б.)»³⁰. Эти оценки были близки во Франции и тем, кто Каткову не симпатизировал. “*Le Temps*” называла «Московские ведомости» «бесподобным инструментом угнетения»³¹, но признавала, что печатный орган Каткова оказывал на правительственную политику в России «реальное воздействие»³², пусть и воздействие реакционное. Специ-

²⁵ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.

²⁶ *Journal des Debates*. 08.07.1881.

²⁷ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

²⁸ *Lettres de Russie*, 22/3 février 1882 // *Le Temps*. 8.02.1882.

²⁹ Katkoff: Du directeur de la “*Gazette de Moscou*” // *Le Matin*. 2.08.1887.

³⁰ *Lettres sur la politique extérieure* // *La Nouvelle Revue*. 1885. T. 36. P. 425.

³¹ *Le Temps*. 06.08.1883.

³² *Lettres de Russie*. M. Katkof et la réaction, 29 janvier 1884 // *Le Temps*. 6.02.1884.

альный корреспондент парижской газеты, посетивший Москву по случаю коронации Александра III, не жалел громких эпитетов, чтобы описать «экстраординарный авторитет» Каткова: это «своего рода официозный комментатор самодержавия, первосвященник православных теорий; и в стране, в которой общественное мнение ничего не стоит, его мнение является законом»³³.

“La République française” шла еще дальше и полагала, что «простой житель Москвы Михаил Никифорович Катков» был выразителем «настроений и воли нации», «заместителем целого парламента»³⁴. Некролог “Journal des Debates” вторил этой оценке: события Восточного кризиса 1875–1878 гг. убедили Александра II в том, что «московский публицист умеет распознать смутные проявления национального чувства намного лучше, чем его министры и приближенные советники»³⁵. По оценке А. Леруа-Больё, Катков был «самым популярным, самым известным человеком» в Российской империи. Секрет могущества простого журналиста в «абсолютистском государстве, где у прессы нет никаких гарантий существования», он видел в том, что Катков стал голосом «немой нации» и дал самосознание народу, «зачастую не осознающему свои нужды и устремления»: Катков был чуть ли не единственным, «чей голос достигал самых низших слоев общества, вплоть до самой ‘русской России’»³⁶. Ж. Адан тоже видела в Каткове выразителя «гласа народа», способного пробудить и направить эту иррациональную силу³⁷. Редко кто прямо оспаривал этот тезис, подобно петербургскому корреспонденту “Journal des Debates”, доказывавшему, что имя Каткова российскому простолюдину было совершенно не известно, и оно вызывало восхищение или страх только в образованных кругах³⁸.

Петербургский корреспондент “Le Temps” вписывал феномен Каткова в более широкий контекст. Он подмечал, что «общественное мнение в России проявляет подлинно живой интерес только к тем вопросам, свободное обсуждение которых ему запрещено». Увлечение российских газет иностранными событиями объяснялось именно тем, что им приходилось «поневоле молчать о происшествиях в своей стране»; и «только когда они занимаются други-

³³ Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // Le Temps. 26.06.1883.

³⁴ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887.

³⁵ Journal des Debates. 03.08.1887.

³⁶ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // Journal des Debates. 06.08.1887.

³⁷ La Nouvelle Revue. 1888. T. 50. P. 907.

³⁸ Journal des Debates. 03.08.1887.

ми странами, они имеют определенную свободу слова и оценок»³⁹. “La République française” напоминала своим читателям о еще одном различии в реалиях Российской империи и Третьей республики. Во Франции, чтобы изменить общественное мнение, нужно было апеллировать к нескольким миллионам читателей, деливших свои симпатии между несколькими сотнями газет. В России же к «правлящему классу, к образованному классу» газета относилась 20–30 тыс. человек, и «каждый из них читал каждую из статей» Каткова: «ни одно из его пылких слов не пропадало зря»⁴⁰. “Le Matin” поддерживала это объяснение и полагала, что общественное мнение в России формировало «куда меньше, чем 25 тыс. человек», что объясняло огромное влияние отдельных публицистов⁴¹. Цифры эти, конечно, были совершенно умозрительны и объяснялись просто: французские журналисты отталкивались от завышенной примерно в два раза оценки тиража «Московских ведомостей» в 25 тыс. экземпляров.

Впрочем, хватало и тех, кто видел разгадку влияния Каткова не в его способности сформировать или выразить настроения общества, а в его близости к трону. Петербургский корреспондент “Journal des Debates” феномен Каткова объяснял тем, что тот «требовал от верховной власти делать то, чего эта верховная власть сама тайне желала»⁴². Один из русских корреспондентов “Le Matin” объяснял привилегию Каткова «говорить почти все, что ему вздумается» его ценностью для «несгибаемого абсолютизма»: «Император его ценит и бережет, как он берег и покойного Ивана Аксакова, поскольку славянофилы-реакционеры подобного толка являются лучшими помощниками правительства в его внутренней политике»⁴³. Этой оценке вторил и собственный корреспондент “Le Temps” в России: «сила Каткова — в его отрицании любого прогресса, который ему кажется уступкой, вырванной в силу слабости правительства»⁴⁴.

Впрочем, французов по понятным причинам особенно интересовал вопрос о способности Каткова влиять на внешнеполитический курс России. Для одних, подобно Ж. Адан, он превратился к середине 1880-х гг. в прямого противника прогерманского курса, отстаиваемого министром иностранных дел Н.К. Гирсом, и в фигуру, едва ли

³⁹ Le Temps. 19.03.1879.

⁴⁰ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887.

⁴¹ Katkoff: Du directeur de la “Gazette de Moscou” // Le Matin. 2.08.1887.

⁴² Lettres des provinces russes, 15 août 1887 // Journal des Debates. 24.08.1887.

⁴³ Poitique russe // Le Matin. 5.05.1887.

⁴⁴ Lettres de Russie, 3 février 1882 // Le Temps. 8.02.1882.

не равную министру по политическому весу. Более того, “*La Nouvelle Revue*” последовательно продвигал мысль о том, что именно публицистика Каткова отражает подлинные мысли императора Александра III⁴⁵. «Господин Катков в Москве был министром общественного мнения», и «его статьи в 1886 и 1887 гг. часто были приказами Гирсу...», — вторил анонимный публицист провинциального “*Le Messenger du Midi*”⁴⁶. “*Le Matin*” в декабре 1886 г. и вовсе называла Каткова «вице-императором»⁴⁷.

Всё это неизменно опровергалось теми, кто был лучше знаком с российскими реалиями. Так, петербургский корреспондент “*Le Temps*” называл «совершенно ошибочным» распространенное за рубежом представление о Каткове как о «конфиденте императорских мыслей и советнике императора, к которому тот больше всего прислушивается». Следовало принять во внимание независимый характер и взрывной темперамент Александра III. В том, что касалось внешней политики, весьма проницательно подмечал корреспондент, Катков находился ровно в том же положении, что и остальные журналисты, чиновники МИД и даже сам министр иностранных дел: «никто не может сказать, какое решение царь примет в той или иной ситуации»⁴⁸. Жюль Дитц из “*Journal des Debates*” соглашался: «сколь бы сильным ни было влияние г-на Каткова, ничто до сего момента не позволяет утверждать, что его исчезновение повлияло или повлияет на внешнюю политику его страны»⁴⁹.

Газеты спорили и о том, следует ли видеть в Каткове олицетворение и движущую силу российского панславизма. Здесь разброс мнений был особенно велик, что отчасти было связано с расплывчатостью самого понятия. Примечательно, что в 1880-е гг. французские публицисты всё чаще отходили от огульного отождествления славянофильства и панславизма с прямой экспансией Российской империи и угрозой французским интересам. «Московские ведомости» и сами подмечали разительные перемены в суждениях того же рупора Л. Гамбетты “*Republique Française*”, которые «проникнуты ныне живейшей симпатией к славянским племенам и к будущности недавно возникших славянских государств»⁵⁰. Бельгийский

⁴⁵ *Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue*. 1882. Т. 14. P. 916; *Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue*. 1885. Т. 36. P. 425.

⁴⁶ *Les théories de M. Katkoff // Le Messenger du Midi*. 05.08.1887.

⁴⁷ *Le danger. Importante déclaration d'un homme politique russe // Le Matin*. 26.12.1886.

⁴⁸ *Lettres de Russie, 9 février 1887 // Le Temps*. 16.02.1887.

⁴⁹ *Dietz J. L'Europe en 1887 // Journal des Debates*. 01.01.1888.

⁵⁰ *Московские ведомости*. 31.01.1880. № 31 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 63.

ученый и публицист Эмиль Лавелэ в июле 1880 г. и вовсе называл панславизм «мечтой подлинных русских патриотов, подобных Каткову или Аксакову»,⁵¹ и трудно себе представить появление в “*Revue des Deux Mondes*” подобных слов десятилетием ранее. Впрочем, благожелательные к М.Н. Каткову французские публицисты чаще избегали термина «панславизм» из-за устойчивых отрицательных коннотаций.

В 1881 г. корреспондент “*Journal des Debates*” в Петербурге аттестовал Каткова своим читателям как лидера «партии ретроградов и славянофилов»⁵². Но тенденцией было скорее подчеркивать различия между так называемой «национальной партией» Каткова и славянофилами, самым значимым и авторитетным выразителем идей которых в то время признавался И.С. Аксаков. Уже в 1871 г. «Московские ведомости» виделись некоторым коллегам во Франции союзниками славянофильской партии лишь в вопросах внешней политики и по тактическим соображениям. Отмечалось, что Катков всегда опирался на пример Европы, защищая, например, классическое образование, вместо того, чтобы «проповедовать в пользу славянской цивилизации»⁵³. В апреле 1882 г. “*Le Temps*” спешила объявить, что Аксакова и Каткова более не объединяет общность идей: «в славянофильском лагере царит разобщенность, и вожаки партии крайних ретроградов не питают друг к другу добрых чувств»⁵⁴.

Для А. Леруа-Больё Катков был скорее «трибуном», далеким от абстрактных доктрин, который вел кампанию совместно со славянофилами лишь потому, что они вместе шли к одной цели — «величию России путем укрепления в ней самодержавия», росту ее могущества и ее «будущей гегемонии на старом континенте»⁵⁵. В этом смысле для Каткова «истинными славянами были только те, кто принимал русское руководство»⁵⁶. По этой причине “*Le Messager du Midi*” видел в Каткове скорее глашатая «самодержавного и цезаристского панруссизма»⁵⁷, и это также объясняло то, почему симпатии многих французских журналистов оказывались скорее на стороне И.С. Ак-

⁵¹ Laveleye É., *de. L'Angleterre et la Russie en Orient* // *Revue des Deux Mondes*. 1 juillet 1880. P. 435.

⁵² *Journal des Debates*. 15.04.1881.

⁵³ *Journal des Debates*. 13.11.1871.

⁵⁴ *Le Temps*. 01.04.1882.

⁵⁵ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ Les théories de M. Katkoff // *Le Messager du Midi*. 05.08.1887.

сакова, представавшего искренним, бескорыстным поборником интересов славян, лишенным политического влияния, в отличие от прагматика Каткова⁵⁸. Специальный корреспондент “La Justice” в Петербурге и вовсе относил Каткова, наряду с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и министром внутренних Д.А. Толстым, к «мнимым» славянофилам, ценившим «в славянофильской идее лишь ее реакционную сторону»: «их система сводится к отрицанию, репрессиям, крайней реакции. Это разновидность нигилизма, который только смотрит не вперед, а назад»⁵⁹.

Иными словами, французская пресса являла разительный контраст по отношению к своим германским коллегам, для которых «панславист» стало собирательным обозначением противников всего немецкого в России, а могущество и сплоченность «вожаков» которых сильно преувеличивалась⁶⁰. Сочувствующие М.Н. Каткову французские публицисты и издания охотно высмеивали страх германских и австрийских политиков и журналистов перед «призраком панславизма» и не жалели сил, чтобы избавить от этого страха своих читателей⁶¹. Корреспонденция одного из русских «друзей» французской “Le Matin” весной 1887 г. показательно называла «вздором» образ Каткова как «апостола панславизма» и «врага западной цивилизации», созданный германской прессой. Ее автор уверял, что Катков всегда ставил превыше всего русские интересы, что «панславистской партии» в полном смысле этого слова в России никогда не существовало, и «никто в России не хотел содействовать развитию этой сколь нереализуемой, столь и вредной для подлинных интересов России доктрины»⁶². “Le Temps” после смерти Каткова соглашалась: «маловероятно, чтобы панславистские мечты посещали этот практичный и серьезный ум»⁶³.

Питал ли Катков симпатии к Франции, свободные от прагматичных расчетов? Современники-французы отвечали на этот вопрос скорее отрицательно. Даже Ж. Адан, целыми страницами сочувственно цитировавшая М.Н. Каткова в своем “La Nouvelle Revue”, периодически упрекала его «во внезапных симпатиях к Германии»

⁵⁸ Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // Le Temps. 26.06.1883.

⁵⁹ V...itch. Aksakof et le parti panslaviste, 3/15 février 1886 // La Justice. 22.02.1886.

⁶⁰ См. подробнее: Власов Н.А., Колосков Е.А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 322-343.

⁶¹ Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue. 1880. Т. 7. P. 202.

⁶² En Russie // Le Matin. 21.03.1887.

⁶³ Le Temps. 03.08.1887.

и «слишком мимолетных возвращениях к Франции»⁶⁴. Катков был расположен к Франции как к «единственной великой державе, которую Германия не смогла дипломатически аннексировать», но французская внутривластная борьба его «удивляла и расстраивала», — признавала писательница⁶⁵. Монархист Жюль Корнели, встречавшийся в Москве с Катковым, вспоминал, что его «русский собрат» в вежливых выражениях давал ему понять, что «Франция кажется ему огромной лечебницей для умалишенных, в коей здравомыслящие люди немногочисленны и бессильны». Корнели вполне допускал, что Катков не питал к Франции добрых чувств, но считал «дружбу» России с ней необходимой «страховкой» от агрессивных поползновений Германии⁶⁶.

«Мейнстримные» республиканские издания подходили к вопросу о «франкофильстве» Каткова с еще большим скепсисом. В лучшем случае это была беззлобная ирония комментария Ж. Дитца на страницах «*Journal des Debates*», восклицавшего в августе 1886 г.: «... если уж и г-н Катков пришел к тому, чтобы выразить симпатии республиканской Франции, этой нечестивице, и заговорить о возможном союзе — пусть и союзе, направленном против Великобритании, — в Москве и впрямь должно было что-то измениться»⁶⁷. Петербургский корреспондент той же газеты соглашался, откликаясь на смерть Каткова: «Я читаю, что он всегда был преданным другом Франции, и все мои воспоминания протестуют»; «этот поборник автократии и теократии едва ли преодолел свое отторжение к идеям, которые наша страна олицетворяет в мире; он никогда не скупился на анафемы по их части»⁶⁸.

А. Леруа-Больё тоже не был готов назвать Каткова франкофилом: «Франция потеряла в этом московском патриоте друга, пусть, по правде, и друга запоздалого, друга, несомненно, небескорыстного <...> Его предпочтения всегда были не в нашу пользу. Его образование было целиком немецким; долгое время он был германофилом, и умри он десятью годами ранее, он вошел бы в историю как друг Германии <...> Он питал недоверие к нам, к нашему духу, нашей нестабильности, нашей способности к пропаганде, к нашим недостаткам и нашим достоинствам. По правде сказать, из двух соперничающих

⁶⁴ *Lettres sur la politique extérieure* // *La Nouvelle Revue*. 1885. Т. 36. Р. 425.

⁶⁵ *Adam J. Lettres sur la politique extérieure*, 11 août 1887 // *La Nouvelle Revue*. 1887. Т. 47. Р. 803–804.

⁶⁶ *Cornély J. Douches* // *Le Matin*. 29.08.1887.

⁶⁷ *Journal des Debates*. 11.08.1886.

⁶⁸ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

между собой Франций <...> одну он находил слишком католической, а вторую слишком демократичной»⁶⁹.

Еще дальше шла “La Justice” Ж. Клемансо, предложившая своим читателям вместо некролога о Каткове отрывки из как раз вышедшей в свет книги франко-русского литератора и публициста М.О. Ашкинази (псевдоним «Мишель Делинь») «Франция перед судом России»⁷⁰. Ее автор при помощи красноречивых цитат из «Московских ведомостей» стремился доказать, что Катков не переставал «настраивать русских против этой ‘неуёмной нации’, которой он предсказывал судьбу Польши», адресуя Франции «еще более яростные филиппики, чем филиппики наемных писак Бисмарка»⁷¹.

В силу всего вышесказанного французы терялись в догадках, что же побудило Каткова превратиться в поборника русско-французского союза. Самое расхожее объяснение давал специальный корреспондент “La République française” в Берлине. Он доказывал, что Катков отдавал предпочтение Германии и оставил мысль о союзе с ней лишь после Берлинского конгресса и Болгарского кризиса середины 1880-х гг., «когда он понял, что Россия стала жертвой двуличия немцев»⁷². Вышедшие вслед за тем первые биографии московского публициста не сильно прояснили ситуацию. Именно за это Альфред Мезьер на страницах “Le Temps”, в частности, критиковал⁷³ выпущенную в 1897 г. французским издательством «Плон» книгу «Михаил Катков и его время» за авторством журналиста и переводчика Григория Левенсона (псевдоним «Григуар Ливоф»)⁷⁴.

Фигура Каткова вызывала полемику даже внутри редакций. На страницах социалистического по своей окраске “L’Intransigeant” Бенуа Малон, основатель журнала “Revue socialiste”, отказывался «славить Каткова как друга французской демократии и образцового журналиста», видя в нем лишь недавнего «фанатичного поборника австро-германо-русского союза» и «неисправимого реакционера», чье влияние на Россию было пагубно. «Он не один из нас», — категорично резюмировал Малон⁷⁵. Редактор же “L’Intransigeant” Анри Рошфор, откликаясь на возмущенное письмо анархиста П.А. Кро-

⁶⁹ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // Journal des Debates. 06.08.1887.

⁷⁰ Delines M. La France jugée par la Russie. Paris, 1887.

⁷¹ Delines M. L’Allemagne, jugée par la Russie — Bismarck et Katkoff // La Justice. 07.08.1887.

⁷² Lettres de l’Allemagne, 3 août 1887 // La République française. 6.08.1887.

⁷³ Mézières A. Michel Katkoff // Le Temps. 1.06.1897.

⁷⁴ Liwof G. Michel Katkof et son époque. Paris, 1897. Подробнее о Г. Левенсоне см.: Дубровкин Р. Русский журналист — корреспондент Малларме // Toronto Slavic Quarterly. № 43. Winter 2013. P. 206–223.

⁷⁵ Malon B. M. Katkoff et son oeuvre // L’Intransigeant. 05.08.1887.

поткина по поводу симпатий республиканской Франции к Каткову, разделял это возмущение как «социалист-гуманист и демократ», но отказывался под этим письмом подписаться «как француз». Именно Катков, полагал Рошфор, подталкивал своего самодержца к союзу с Францией: «мы признательны ему уже за то, что он был врагом Бисмарка»⁷⁶. Ж. Адан по той же причине считала, что смерть Каткова стала «невосполнимой потерей» и «личным несчастьем всех французских патриотов»⁷⁷. «Le Matin» вторила той оценке, что хотя Катков и «совсем не любил Париж», он по праву мог считаться «другом Франции» в силу неприятия политики Германии по принципу «враги наших врагов — наши друзья»⁷⁸.

Этот принцип в условиях обострения франко-германских отношений в начале 1887 г. оказался близок широкому кругу французских изданий. Бонапартистская «Le Pays», в частности, гордилась, что именно ее сотрудник, депутат-монархист Люсьен Мильвуа «первым в рядах французской прессы установил связи с г-ном Катковым», и считала своим долгом защищать от нападок германской «рептильной прессы» редактора «Московских ведомостей»⁷⁹. Республиканская «Le Matin» объясняла эти нападки отказом Каткова от «субсидий», предложенных ему «железным канцлером»⁸⁰, и к январю 1893 г. это допущение стало подаваться газетой как истина⁸¹. Сам О. фон Бисмарк, что характерно, параллельно подозревал в «покупке» симпатий Каткова французом⁸². Кампания Каткова против «немецкого засилья» в России трактовалась многими во Франции как попытка «освободить свою страну от того, что он считает унижительной опекой (Германии. — А.Б.)»⁸³. После смерти Каткова экс-профессор богословия Страсбургского университета Тимоте Колани торжественно объявлял на страницах «La République française», что «национальное пробуждение России — факт окончательный, нравится это или нет тем, кто похвалялся, что надел намордник на северного медведя и заставил его плясать под свою дудку», имея в виду, конечно же, Германию⁸⁴.

⁷⁶ Rochefort H. Katkoff et la France // L'Intransigeant. 10.08.1887.

⁷⁷ Adam J. Lettres sur la politique extérieure, 11 août 1887 // La Nouvelle Revue. 1887. T. 47. P. 801–803.

⁷⁸ Katkoff: Du directeur de la «Gazette de Moscou» // Le Matin. 2.08.1887.

⁷⁹ Le Pays. 02.04.1887

⁸⁰ En Russie // Le Matin. 21.03.1887.

⁸¹ Au «Club anglaise» // Le Matin. 26.01.1893.

⁸² Власов Н.А. Михаил Никифорович Катков глазами Отто фон Бисмарка // Клио. 2023. №. 6. С. 85.

⁸³ Mitchell R. En Russie // Le Pays. 02.04.1887

⁸⁴ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887

Тезис о том, что Катков «любил Францию», получил громкое звучание в августе 1887 г. в связи с попытками ряда групп влияния во Франции превратить похороны российского публициста в демонстрацию русско-французской дружбы. В числе этих усилий была инициатива экс-министра торговли и промышленности Эдуарда Локруа отправить на похороны Каткова депутацию от французских журналистов-республиканцев и возложить венков на могилу усопшего. Локруа, представитель «крайне левых» в Национальном собрании, в своем открытом письме призывал почтить память «этого великого человека, который делал честь европейской прессе, который служил своей стране и который любил Францию»⁸⁵. Общее собрание трех ассоциаций французских журналистов поддержало это предложение, но примечательно снизило панегирический градус, чествуя Каткова как «красу и гордость славянской журналистики, сумевшего соединить пылкую любовь к своей родине с живой симпатией (выделено мной. — А.Б.) к Франции»⁸⁶.

Воинственное выступление на могиле Каткова вождя «Лиги патриотов» Поля Деруледа и открытое письмо с соболезнованиями вдове усопшего от небезызвестного генерала Жоржа Буланже, однако, быстро придало происходящему нежелательную окраску в глазах французских проправительственных изданий. Полемика вокруг российского публициста в немалой степени стала диктоваться логикой внутрисполитической борьбы между сторонниками и противниками буланжистского движения. “Le Temps” отзывалась о похоронах Каткова в августе 1887 г. с показательной озабоченностью и неприятием: «Во всех этих манифестациях <...> есть что-то от любовного недомыслия. Уже было слишком много венков, слишком много речей, слишком много депутатий и, что самое худшее, слишком много энтузиазма по очевидно ошибочному адресу. Только что почивший видный журналист, в этом невозможно больше заблуждаться, меньше всего был галлофилом, за которого его принимали»⁸⁷.

Начало 1890-х гг., однако, принесло смену акцентов во Франции в том, что касалось образа М.Н. Каткова. Его имя часто вспоминалось в контексте всевозможных торжеств, ознаменовавших политическое сближение двух стран, обеспечив ему, в конечном счете, место в своеобразном «пантеоне» героев русско-французского союза. В частности, писатель и дипломат Эжен Мельхиор де Вогюэ на банкете русской прессы в Париже в октябре 1893 г. отдавал дань

⁸⁵ La République française. 3.08.1887.

⁸⁶ La République française. 4.08.1887.

⁸⁷ Lettres sur politique étrangère // Le Temps. 28.08.1887.

памяти «ушедшим» Аксакову, Каткову и прочим, с кем «мы обменивались надеждами, которые тогда считались несбыточными»⁸⁸. Бокал «в память о Каткове, этом великом журналисте, друге Франции» поднимал в ноябре 1893 г. на еще одном торжественном ужине и бывший французский министр иностранных дел Эмиль Флуранс⁸⁹.

Другим поводом для французских журналистов вспоминать о Каткове был выход книг о нем. Критичная рецензия на упоминавшуюся выше книгу Г. Левенсона «Михаил Катков и его время» (1897) в научном и весьма консервативном “*Revue des questions historiques*” хорошо резюмировала двойственность образа Каткова в глазах французов даже после того, как русско-французский союз стал фактом. Главной заслугой Каткова здесь называлось то, что он «дал великому народу более глубокое сознание своей национальности и своего достоинства». Но журнал призывал также не забывать, что покойный «осыпал оскорблениями» не только поляков, но и русских, которые «осмеливались требовать немного терпимости и свободы», возбуждая против них «самые низменные народные чувства» и призывая на их головы «самые незаконные репрессии властей». «Те многочисленные статьи, которые в свои последние годы Катков написал по приказанию свыше в пользу сближения с Францией, либеральные поползновения которой он ненавидел всей душой, представили нам его в искаженном свете», — категорично заявлял рецензент⁹⁰. Если образ Каткова как «друга Франции» и возобладал во французском политическом дискурсе, это не означало исчезновения во французской прессе альтернативных трактовок.

Если суммировать, французская пресса даже «над гробом» М.Н. Каткова была весьма далека от единодушного восхваления усопшего, как это подавалось отдельными русскими газетами, столь же от этого единодушия далекими⁹¹. Антигерманские установки ряда французских изданий — от республиканских “*La Nouvelle Revue*” и “*Le Matin*” до бонапартистской “*Le Pays*” и социалистической “*L’Intransigeant*”, не говоря уже о националистических листках, побуждали их видеть в М.Н. Каткове ценного союзника. Эти издания упрощали его образ, приглушали вопрос о его противоречивом отношении к Франции, сводя всё к его борьбе с немецким «засильем». Логичным образом они были склонны (и прямо заинтересованы) пе-

⁸⁸ Journal des Debates. 27.10.1893.

⁸⁹ Journal des Debates. 02.11.1893.

⁹⁰ Revue des questions historiques. Т. 63. 1897. Р. 649–650.

⁹¹ Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М.Н. Каткова // Русско-византийский вестник. 2019. № 1. С. 223–224.

реоценивать степень влияния Каткова на внешнюю политику страны, видя именно в нем того, кто подталкивал Александра III к союзу с Францией. Для них Катков был несомненным «другом» Франции, но преимущественно в логике «враг моего врага — мой друг».

Близкая к правительству пресса — “*Journal des Debats*”, “*Le Temps*”, “*Republique française*”, — напротив, предпочитала играть на контрастах, противопоставляя несомненные достоинства московского публициста столь же весомым основаниям для критики. Даже единодушно признанная «феноменом» фигура Каткова часто лишь оттеняла смущавшие правоверных республиканцев черты самодержавной России: отсутствие представительства, несвободу печати, «польский вопрос» и экспансию под знаменем панславизма. В Каткове видели не франкофила, а скорее прагматика, ратовавшего за «дружбу» с Францией безо всякой симпатии к ней. Более того, немало публицистов бросалось в другую крайность и доказывало, что прежде симпатии Каткова, напротив, «всегда» были на стороне Германии. Идейные установки М.Н. Каткова тем больше сказывались на оценках его личности, чем «левее» во французском политическом спектре стояли его критики. Радикальная “*La Justice*” и социалистическая пресса вообще не находили у Каткова никаких заслуг, рисуя однозначно негативный образ.

В дальнейшем фигура М.Н. Каткова актуализировалась для французской прессы преимущественно в контексте оформления русско-французского соглашения. Несмотря на то что Катков умер в 1887 г., его заслуги как предвестника русско-французского союза не были забыты. Постфактум французским газетам было проще «обнаружить» у Каткова и «живую симпатию» к Франции, именно так, в частности, интерпретируя его позицию в ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. Подразумевалось, что само стремление редактора «Московских ведомостей» руководствоваться прежде всего русскими интересами исключало для него солидарность с Германией против Франции. Всё это было весьма вольной интерпретацией. Впрочем, в 1890-е гг. мало кто во Франции возвращался к подлинным цитатам «Московских ведомостей», а образ ее прославленного редактора лишь обрастал легендарными деталями в духе гордо отвергнутых «субсидий» Бисмарка. Можно констатировать быструю «мифологизацию» М.Н. Каткова во Франции, подобно тому, как параллельно его образ в России, по словам А.Э. Котова, всё больше «мумифицировался», превращаясь в «означающее» и символ тех или иных идей⁹².

⁹² Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»... С. 241.

References

Bespalova K.A., Ivshin V.S. *Mezhdru diplomatiyey i intrigami: neformal'nye aspekty franko-russkikh otnosheniy v 1870–1880-kh godakh* [Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in the 1870s–1880s] // *Nauchnyy dialog*. 2023. Vol. 12. N 4. P. 381–401.

Dubrovkin R. *Russkiy zhurnalist — korrespondent Mallarmé* [A Russian Journalist as Mallarmé's Correspondent] // *Toronto Slavic Quarterly*. No. 43. Winter 2013. P. 206–223.

Galkina Yu.M. *Franko-russkiy soyuz v zerkale istoriografii: k voprosu o mekhaniz-makh sblizheniya* [The Franco-Russian Alliance in the Mirror of Historiography: On the Mechanisms of Rapprochement] // *Historia provinciae — zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae: The Journal of Regional History]. 2023. Vol. 7. N 2. P. 611–649.

Hillis F. The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 39–78.

Hogenhuis-Seliverstoff A. *Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918* // Deutschland – Frankreich – Rußland / Hrsg. von I. Mieck u. P. Guillen. Berlin; Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. P. 71–86.

Kotov A.E. *Byurokraticheskiy natsionalizm Mikhaila Katkova* [Mikhail Katkov's Bureaucratic Nationalism] // *Voprosy natsionalizma*. 2014. N 1. P. 174–186.

Kotov A.E. *Publitsisty katkovskogo napravleniya protiv levogo radikalizma (vtoraya polovina 1880-kh gg.)* [Publicists of the Katkov School against Left-Wing Radicalism, Second Half of the 1880s] // *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2018. Vol. 2. N 2. P. 33–47.

Kotov A.E. *Russkiye konservatory vo vtoroy polovine 1880-kh gg.: vneshne-politicheskiy aspekt* [Russian Conservatives in the Second Half of the 1880s: The Foreign-Policy Aspect] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Series “Gumanitarnye nauki”. 2021. N 9. P. 15–20.

Kotov A.E. “Zevsa v Akropole slepok”: *russkaya zhurnalistika nad mogiloy M.N. Katkova* [“A Cast of Zeus on the Acropolis”: Russian Journalism at the Grave of M.N. Katkov] // *Russko-vizantiyskiy vestnik*. 2019. N 1. P. 222–243.

Lukoyanov I.V. *M.N. Katkov i vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii v tsarst-vovaniye Aleksandra III (1880-e gody)* [M.N. Katkov and the Foreign Policy of the Russian Empire during the Reign of Alexander III, the 1880s] // *Tetradi po konservativizmu*. 2018. N 3. P. 232–244.

Peravalova E.V. “Russkaya Times”: gazeta “Moskovskie vedomosti” pod redakt-siyey M.N. Katkova (1863–1887) [“The Russian Times”: The Newspaper *Moskovskie Vedomosti* under the Editorship of M.N. Katkov, 1863–1887]. Moscow: Moskovskiy Politekh, 2020. 408 p.

Vlasov N.A. *Mikhail Nikiforovich Katkov glazami Otto von Bismarka* [Mikhail Ni-kiforovich Katkov through the Eyes of Otto von Bismarck] // *Klio*. 2023. N 6. P. 83–87.

Vlasov N.A., Koloskov E.A. *Obrazy rossiyskikh panslavistov v Germanskoy im-perii 1880-kh godov* [Images of Russian Pan-Slavists in the German Empire in the 1880s] // *Nauchnyy dialog*. 2024. Vol. 13. N 6. P. 322–343.

Поступила в редакцию
12 октября 2025 г.